
ВАЛЕРИЙ КОРЕПИН
SetchatkaGlaza
ПОХОЖДЕНИЯ
В ХВОЩЕВИКОВО
СВОИ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
18+

Валерий Корепин

Похождения в Хвощевиково Свои

https://litres.ru/75027768
SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь друзей приезжают на дачу в Хвощевиково. Впереди — рыбалка, шашлыки и выходные без городских забот. Но после первого застолья знакомые лица начинают казаться чужими, а обычные движения — угрожающими.

Кир лишь притворился, что выпил. Он видит испуганных друзей там, где они видят нечто нечеловеческое. Чтобы остановить происходящее, достаточно сказать правду. Но как возразить компании, которая уже решила, кого считать своим?

Дневное происшествие у реки, скрытая видеозапись и запертая дверь превращают отдых в ночь взаимных подозрений. Чем убедительнее друзья объясняют свой страх, тем опаснее становится оставаться рядом.

Психологический хоррор о дружбе, молчании и границе, за которой желание быть со всеми становится соучастием.

Содержание

Пролог. Утро 7
Часть I. Хороший день 13
Глава 1. Сначала ответь 13
Глава 2. Чужое место 20
Глава 3. Семь минут 27
Глава 4. Воздух 34
Глава 5. Последний дом 43
Глава 6. Поворот 51
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Валерий Корепин Похождения в Хвощевиково Свои

Валерий Корепин
SetchatkaGlaza
ПОХОЖДЕНИЯ В ХВОЩЕВИКОВО
Свои
Хоррор-триллер
2026

© Валерий Корепин / SetchatkaGlaza, 2026

18+

Для читателей старше 18 лет.

Содержит описания насилия, принуждения, употребления алкоголя и тяжёлых психологических состояний, а также ненормативную лексику.

Произведение является художественным вымыслом. Совпадения с реальными лицами и событиями случайны.

Содержание

Пролог. Утро
Часть I. Хороший день
Глава 1. Сначала ответь

Глава 2. Чужое место
Глава 3. Семь минут
Глава 4. Воздух
Глава 5. Последний дом
Глава 6. Поворот
Глава 7. Как все
Глава 8. Под настилом
Глава 9. Держи
Глава 10. Не показывай
Глава 11. Куртка
Глава 12. Один не видел
Часть II. Свои
Глава 13. На десять минут
Глава 14. Вода за дверью
Глава 15. Пять пальцев
Глава 16. Начало записи
Глава 17. Я тоже
Глава 18. Гараж
Глава 19. Если он дёрнется
Глава 20. Назови поворот
Глава 21. Остаться
Глава 22. Восемь
Глава 23. Без камеры
Глава 24. К берегу
Часть III. Узнать
Глава 25. При нас

Глава 26. Костяшки
Глава 27. Там край
Глава 28. Имена вместо мест
Глава 29. Километр
Глава 30. Что говорить
Глава 31. Смотреть до конца
Глава 32. Ответить
Эпилог. Не все

Пролог. Утро

Вначале были руки — две бледные, незнакомые вещи на потемневших досках. Я смотрел на них, ещё не понимая, почему должен что-нибудь делать. Между досками медленно поднималась вода, на мгновение заполняла узкую щель и отступала. От причала пахло сырым деревом, железом и речной тиной.

Потом я пошевелил пальцами, и руки оказались моими.

На правой были сбиты костяшки. Кровь успела подсохнуть по краям, но в трещине над указательным пальцем ещё блестела влага. Левая выглядела целой. К ладони прилипли песчинки, под ногтями темнела земля. Я осторожно сжал кулак; кожу потянуло, и боль, небольшая, отчётливая, впервые помогла понять, что я не сплю.

Река двигалась подо мной. Иногда волна находила полую железную бочку, и та отзывалась глухим стуком. В этом звуке слышалось что-то домашнее: так вода ударяет в стенку ведра, когда его несут слишком быстро. Я несколько раз успел подумать о ведре, прежде чем вспомнил, где нахожусь.

Причал. Ниже Валериной дачи.

На другом берегу стояли деревья. Их стволы сходились в серую полосу, над которой едва различались голые ветви. Небо не светлело и не темнело. Я не мог определить, сколько времени прошло с тех пор, как наступило утро, и было ли

это уже утро.

Холод забрался под одежду. Я подтянул рукав и увидел на манжете светлую полоску, знакомый шов, чуть разошедшийся у молнии.

Ванина куртка.

Я знал её лучше, чем собственные руки, на которые только что смотрел. Знал, как Ваня снимает её, начиная с левой стороны, как придерживает подкладку, когда застёгивается. Однажды мы долго стояли у машины, пока он высвобождал ткань из замка и сердился не на замок, а на нас: мы советовали дёрнуть сильнее. Это воспоминание сохранилось целиком. А того, как куртка оказалась на мне, не было.

Я попробовал позвать Ваню. Во рту оказалось так сухо, что имя не получилось произнести: вышел короткий кашель. Горло обожгло. Я сглотнул и замер, пережидая тошноту.

Нужно подняться, решил я. Потом искать остальных.

Поджал ногу, упёрся ладонями. На правой руке лопнула корочка, и кровь выступила снова. Я почти встал, но настил качнулся, деревья на дальнем берегу наклонились, а ноги вдруг перестали понимать, чего я от них хочу. Пришлось сесть, неловко ударившись бедром о доску. От удара потянуло бок; я прижал локоть к животу и некоторое время дышал, глядя на носок ботинка.

— Нормально, — сказал я наконец.

Слово прозвучало громче, чем я ожидал. Я прислушался: не ответит ли кто-нибудь сверху. Река продолжала плескать-

ся. Далеко скрипнуло железо.

Справа, возле вбитого в настил кольца, лежала бутылка. Её замечаешь не сразу, когда пытаешься удержать перед глазами что-нибудь неподвижное. Литровая, с широкими плечами, она упиралась горлышком в щепку. Синяя этикетка была мокрой, один угол отклеился и загнулся наружу.

«ВОЗДУХ».

Я наклонился ближе. Под названием тянулось: «Пьёшь как дышишь».

Бутылка была пустой. В стекле отражалась моя ладонь, вытянутая, с неестественно тонкими пальцами. Я отдёрнул руку, потом заставил себя прикоснуться ещё раз. Обычное стекло. Холодное. На горлышке песок.

Помню магазин.

Я ухватился за эту мысль. Белая лента чека остановилась на выходе из аппарата. Женщина открыла крышку, поправила рулон. Мы уже убрали покупки, а она всё возилась с бумагой. Кто-то сказал, что чек не нужен. Или спросил, нужен ли он нам.

Дальше память распадалась на вещи, не соединённые между собой. Чёрные ручки пакета. Серебристое кольцо под крышкой. Человек, который не хочет отпускать мою руку.

Я перестал вспоминать.

За спиной поднимался песчаный берег. Сверху свисали корни и мокрые стебли; одна кочка была выворочена, и из неё сыпался песок. Там, за краем, проходила дорога. Ещё

дальше, на пригорке, стояла дача. Мне не нужно было далеко идти. Только выбраться с причала.

Я перевернулся на колени. Куртка зацепилась за доску, я дёрнул её и услышал треск. Стало жалко Ванину вещь — так внезапно и сильно, что к горлу снова подступило. Скажу ему. Куплю такую же, если не получится зашить. Сейчас надо встать.

По склону я поднимался, хватаясь за траву. Влажная земля скользила под ладонями. Песок забился в манжеты, тёр запястья; ботинок сорвался, и на секунду всё тело повисло на руках. Я прижался щекой к склону, нашёл носком выступ и подтянул колено. Когда локти наконец легли на ровное, я остался лежать, не сразу поверив, что больше не сползаю.

Трава пахла холодной водой. Из рукава медленно вытекала кровь.

Я поднял голову.

По другую сторону дороги темнел двор: край гаража, угол бани, окна дома. У крыльца стояла чья-то сумка. Я помнил, что мы заносили вещи, но не мог вспомнить, кто держал дверь. Мне почему-то казалось важным узнать именно это — кто держал дверь, пока у остальных были заняты руки.

Никого не было видно.

Я сел, потом начал вставать. На этот раз ноги удержали. Несколько секунд пришлось стоять, чуть согнувшись, и ждать, когда перестанет качать. Ветер шевелил куртку. Где-то в доме стукнуло; я поднял глаза, но движения не заметил.

Песок скрипел на зубах. Я провёл ладонью по лицу, потом накрыл глаза обеими руками и надавил на веки. В темноте вспыхнули тусклые пятна.

Когда я убрал руки, во дворе стояли люди.

Я не видел, откуда они вышли. Один был у гаража, двое возле крыльца, ещё один у бани. Остальные — между ними, на фоне забора. Нельзя было сказать, смотрят ли они на меня: лица оставались светлыми пятнами, хотя расстояние было небольшим.

Я начал считать, пытаясь заодно вспомнить имена.

Один. Два. Три.

На одном была знакомая куртка. Под воротом другого белела футболка. Я знал эти вещи, мог бы узнать их в общей куче на стуле. Но стоило поднять взгляд выше, и лицо переставало складываться. Части были на своих местах — глаза, рот, подбородок, — только вместе не получалось человека, которого я помнил.

Четыре. Пять.

Шесть.

Из двора окликнули. Кажется, меня. Между первым и вторым слогом что-то помешало голосу: он провалился вниз, стал глухим, а конец слова поднялся, словно говорил уже другой.

Я хотел ответить и заметил руки ближайшего.

Они свисали слишком низко. Я посмотрел на собственные, чтобы проверить, как должно быть, и уже не смог прове-

рить. Во дворе кто-то наклонился; под одеждой сдвинулось то, что я до этой секунды принимал за плечи.

Нет, подумал я. Нет.

Ближайшая фигура сорвалась с места.

Я отступил. Под пяткой зашуршал песок. Кто-то закричал, и на этот раз в крике были отчётливые слова, но я не успел их разобрать. Через дорогу неслись прямо ко мне. Я увидел ладонь, растопыренные пальцы, тёмный рукав — и дёрнулся раньше, чем меня схватили за куртку.

Часть I. Хороший день

Глава 1. Сначала ответь

Телефон нашёлся под подушкой. Я нащупал его раньше, чем открыл глаза, и некоторое время держал в руке, надеясь, что вибрация прекратится сама. Но она повторилась, потом ещё раз. Кто-то из наших окончательно проснулся и теперь не собирался оставлять остальных в неведении.

В общем чате было сорок три непрочитанных сообщения. Пока экран привыкал к повороту, стало сорок четыре.

«Кир, ты живой?» — спросил Саня.

Выше Валера прислал список покупок. Он начинался с мяса, заканчивался углём и успел обрасти ответами: Петя считал, что розжиг у Валеры есть, Валера считал, что Петя его вылил прошлым летом, Олег хотел уточнить, есть ли на даче горячая вода. Ваня предложил не спорить и взять новый. По расположению сообщения было непонятно, что именно он предлагает заменить: розжиг или дачу.

Я написал: «Встаю».

Саня ответил почти сразу: «Через двадцать минут. Не ложись обратно».

Надо было вставать по-настоящему. Я ещё лежал на спине, глядя на полосу света, которая проходила между штора-

ми и упиралась в потолок. В комнате чувствовалась вчерашняя духота. На подоконнике стояла кружка, на спинке стула висела футболка, которую я собирался положить в стирку. Только рюкзак возле двери выглядел готовым к началу дня.

Остаться дома было нетрудно. Достаточно написать про дела, и никто не станет проверять, есть ли они. Валера поворчит, Саня заберёт Петю раньше. К обеду чат уйдёт далеко вперёд, я поставлю звук на беззвучный и получу целую субботу, которую ещё вчера хотел оставить себе.

Я знал такие субботы. До четырёх казалось, что всё впереди. Потом нужно было сходить за хлебом, и на улице выяснялось, что день уже кончается: люди возвращаются откуда-то, несут пакеты, разговаривают о том, чего я не видел. Вечером я читал чужие сообщения и старался не писать слишком быстро, чтобы не было заметно, что всё это время сидел с телефоном.

Я откинул одеяло.

На кухне было прохладнее. За окном, на дворовой стороне дома, кто-то хлопнул дверью машины; вслед за этим заплакал ребёнок, но сразу умолк — то ли его взяли на руки, то ли дали то, ради чего он плакал. Я включил чайник и открыл холодильник. Сыр лежал рядом с банкой, которую давно следовало выбросить. Я передвинул банку назад, достал хлеб.

Пока грелась вода, прочитал остальное.

Ваня поедет на Октавии, Вася с ним. Саву нужно встре-

тить с маршрутки у поворота, точное время он напишет позже. Все остальные — в Приоре. Валера просил не забыть соль и отправил список повторно, теперь уже с солью. Олег спросил про воду ещё раз.

«Баня есть», — ответил Валера.

«Я не это спросил».

Я засмеялся, подавился хлебом и впервые за утро положил телефон экраном вниз.

Мы познакомились не все сразу. С Валерой учились в одной группе; остальных я долго различал как людей, которых он имеет в виду, когда говорит «наши». Потом был чей-то день рождения, помощь с переездом, поездка за город, и однажды выяснилось, что меня тоже ждут без отдельного приглашения. Никто не объявлял об этом. Просто при обсуждении следующей встречи Саня спросил не «ты поедешь?», а «тебя откуда забрать?».

В Никольцеве люди сближались именно так: через общие дела и расстояния, которые было стыдно считать расстояниями. Город невелик — старые кирпичные здания в центре, магазины, банк, станция, а чуть в сторону уже деревянные дома с отдельными подъездами. Но даже здесь можно полгода не увидеть знакомого, если встречи не происходят по пути. Потом встретить и сказать: «Да я тут рядом всё время».

Я умылся, пригладил волосы мокрой ладонью и вернулся к рюкзаку. Полотенце, носки, запасная футболка, зарядка. В боковом кармане нашлись мятый чек и два винта, которые я

когда-то положил туда на минуту. Теперь невозможно было понять, от какой вещи они отпали. Я оставил их на столе: выбрасывать казалось преждевременным, брать с собой — нелепым.

Телефон завибрировал снова.

«Вышел», — сообщил Саня.

И следом: «Из дома. Не из машины. Ещё успеваешь».

Я поставил кружку на подоконник, рядом со вчерашней. Чай был слишком горячим, чтобы пить торопясь. Доливать холодной воды и снова садиться к столу уже не хотелось: Саня мог написать в любую минуту.

Внизу, во дворе, женщина в синей куртке вела ребёнка, старательно обходя лужи. Ребёнок, напротив, выбирал их с большим вниманием. Каждый раз женщина останавливалась, что-то объясняла, и по её плечам было видно: объясняет не впервые. Из окна соседнего дома высунули коврик. Пыль на секунду сделалась заметна в сером свете, потом исчезла.

Я поднёс телефон к стеклу, собираясь сфотографировать это для чата, но передумал. Другие уже были заняты настоящими делами: ехали, договаривались, считали людей. Пора было присоединяться.

В прихожей я надел куртку, проверил карманы. Ключи оказались в руке, хотя я успел поискать их на полке. Я выключил свет, вернулся посмотреть на чайник и ещё раз подошёл к двери. В квартире продолжал гудеть холодильник.

За стеной шёл телевизор; голос ведущего был неразборчив, только время от времени поднимался над общей тишиной.

Я подхватил рюкзак за ручку.

На лестнице пахло мокрой обувью и чьим-то завтраком. Между этажами стояла банка с окурками. В неё налили воды, и пепел прилип к стеклу серыми полосами. У входной двери я пропустил пожилого соседа с пустой сумкой. Он кивнул, посмотрел на мой рюкзак и спросил, надолго ли.

— На выходные.

— Ну, погоду обещают.

Не хорошую, не плохую — просто погоду. Я согласился.

После дождя улица выглядела чистой только издали. Возле крыльца намокла рекламная листовка; к ней прилипли песок и обрывок нитки. Асфальт переходил прямо в землю, из-под проехавших колёс шуршала мелкая крошка. Ветер принёс запах печного дыма, совсем слабый, как напоминание о домах, в которых утро ещё шло своим чередом.

Приора стояла у соседнего подъезда, носом к выезду. На чёрной двери отражались светлые доски дома. От работающего мотора отражение едва заметно дрожало. Задние стёкла были тёмными; в переднем, опущенном, я увидел Саню. Он убрал телефон с колена и проводил меня взглядом.

— Даже сигналить не пришлось.

— Я слышал.

— Что слышал? Я ещё не сигналил.

— Ну вот поэтому и вышел. Пока не начал.

Он усмехнулся и кивнул на переднее место.

— Садись. Только дверью не хлопай, она и так нормально закрывается.

Я обошёл машину. В салоне было тепло; пахло нагретым пластиком и сладким ароматизатором, который давно выдохся, но так и остался висеть возле зеркала. Рюкзак пришлось поставить между ног. Я закрыл дверь осторожно — слишком осторожно, замок не защёлкнулся.

Саня посмотрел на меня.

— Чуть сильнее можно. Не музей.

Со второго раза получилось. Он дождался, пока я разберусь с ремнём, и убрал телефон в нишу под магнитолой. Под зеркалом качалась небольшая фотография: Саня с девушкой, оба щурятся на солнце. Прозрачный чехол потёрся по краям. Улыбка на снимке была другой, шире той, с которой он обычно смотрел на нас.

— Это у тебя вместо ёлочки? — спросил я.

Он проследил за моим взглядом.

— От запаха.

— Помогает?

— Ей нравится. Остальное неважно.

Он сказал это просто, и я не стал искать ответной шутки.

— Всех ещё забирать?

— Петю, Олега, потом начальника склада. Ваня сам, с Васей.

— Валера опять список поменял?

— Уже три раза. Я перестал открывать. Если что-то забудем, скажу, что был за рулём.

Я вытянул из-под ремня лямку рюкзака. Саня посмотрел в боковое зеркало, пропустил машину и положил руку на рычаг.

— Ну что, готов?

— Готов.

Приора отъехала от дома. Я успел увидеть своё окно. Отсюда кружек было не разобрать; подоконник казался пустым, аккуратным. На перекрёстке Саня притормозил, и дом ушёл за стойку. Разговор ещё не начался, но молчание уже было общим, не тем, которое я оставил в квартире.

Глава 2. Чужое место

К Петиному дому мы подъехали со стороны поворота, вдоль которого тянулись неглубокие лужи. Саня сбросил скорость заранее: в середине дороги темнела яма, из салона казавшаяся обыкновенным мокрым пятном. Я бы заметил её только под колёсами.

Дом стоял за деревянным забором на железных столбах. Доски были вставлены в тёмную прямоугольную раму; левее ворот находилась широкая калитка, а дальше, за отдельным столбом, начинался уже соседский участок. Сам дом обшили светлыми панелями — два жилых этажа и чердак с маленьким окном под скатом. Обшивка делала его новее на вид, чем ступени у входа: те успели осесть и теперь слегка расходились к земле.

Разбитый Дастер стоял снаружи, рядом с воротами.

Пока мы приближались, сначала были видны рейлинги, потом грязные боковые стёкла и только затем смятый передний угол. Левое крыло сложилось несколькими жёсткими складками. Капот приподнимался над фарой, оставляя тёмную щель, а саму фару удерживали полосы скотча. Раньше они были прозрачными. Теперь пожелтели, по краям собралась пыль; один конец отклеился и торчал, двигаясь от ветра.

Петя ждал рядом с машиной. В одной руке держал пакет, другую засунул в карман худи. Он не махал, только чуть под-

нял подбородок, когда узнал Приору.

— Главное, не спрашивай про крыло, — сказал Саня, не поворачиваясь ко мне.

— А ты спросишь?

— Я уже спрашивал.

По его лицу было непонятно, шутит он или предупреждает. Мы проехали ещё несколько метров, и Петя оказался у водительского окна. Ему не пришлось идти нам навстречу. Саня остановился, опустил стекло.

— Здарова.

— Здарова, мужики. Кир, и ты выбрался.

Петя заглянул в салон. Из-за тяжёлых век он часто выглядел сонным, даже когда говорил быстро; теперь под глазами лежали тени, светлая чёлка сбилась на лоб отдельными прядями. Он скосил глаза на мой рюкзак, на ремень, потом снова на меня.

— А что значит «и ты»?

— В чате тишина. Мы уже думали, тебя только по доверенности забирать.

— Я спал.

— Вот это уважаемая причина. Я себе так и запишу: не игнорировал, а восстанавливался.

Саня смотрел на Дастер. Я уже знал, что он спросит, и невольно напрягся.

— Делать-то когда будешь?

Петя повернул голову, словно хотел убедиться, о какой

машине речь.

— Когда мужик на буханке извинится.

— То есть не скоро.

— Значит, не скоро.

Он перевесил пакет в другую руку. Пластик зашуршал у двери. Саня коротко хмыкнул, и я начал улыбаться вместе с ним — не от самой шутки, а от её знакомого места в разговоре. Один спрашивает, другой отвечает, дальше можно ехать.

Но Петя не смотрел ни на кого из нас. Он разглядывал край опущенного стекла и большим пальцем расправлял загнувшуюся ручку пакета.

— Тебе неприятно, когда спрашивают? — сказал я.

Оба посмотрели на меня.

Слова прозвучали чересчур серьёзно для разговора через опущенное стекло. Я едва не добавил, что просто спросил, но Петя уже собирался ответить.

— Да нет, — сказал Петя. — Нормально.

— Ладно.

Он ещё немного помял пластик.

— Просто все спрашивают. Каждый, кто мимо идёт. Будто я его тут для беседы поставил. Утром выходишь — он стоит. Вечером приходишь — опять стоит. Я бы и сам хотел не смотреть.

Саня перестал постукивать по рулю.

— Я не в этом смысле.

— Знаю. Ты в хорошем. Все в хорошем.

Он усмехнулся, чтобы разговор не пришлось заканчивать на этой фразе. За его плечом шевельнулся отклеившийся кусок скотча. Я вспомнил, что авария была зимой, и попытался посчитать месяцы. Получилось дольше, чем я думал.

— А с документами что? — спросил Саня.

— Всё то же. Страховая считает. Я ж не против: пусть считают. Только ездить на подсчётах пока никто не научился.

— Если отвезти куда надо, звони.

— Так я и звоню. Вот, приехал.

На этот раз рассмеялись оба. Я тоже улыбнулся, но уже без необходимости поспевать за ними.

Петя посмотрел на переднее сиденье.

— Кир спереди?

— Пока да, — сказал я.

— Понятно.

Он не просил поменяться. Постоял, прикинув что-то, затем добавил:

— Меня сзади иногда укачивает. Но если недалеко…

Я взялся за замок ремня. Саня заметил движение.

— Петь, давай до магазина так. Там всё равно выйдем, вещи разложим. Если начнёт мутить, скажешь — остановлюсь. Не надо терпеть.

— Да я и не собираюсь терпеть. Я ещё раньше вас всех на улице буду.

— Тогда договорились.

Петя посмотрел на мою руку.

— Сиди, Кир. Я спросил, а не выселять пришёл.

Я ещё держался за замок ремня. Петя посмотрел на мою руку, затем шагнул вдоль машины, открыл заднюю дверь и поставил пакет внутрь. Переспрашивать пришлось бы уже через плечо, и я остался сидеть.

В салон вошёл уличный воздух. Он пах сырой землёй и табаком. Петя устроился за Саней, переставил пакет к ногам, проверил, не прижал ли ручки дверью.

— Можно было не настежь, — заметил Саня.

— Можно было автобус прислать. Там вообще кнопка.

Замок щёлкнул. В зеркале Петя дёрнул ремень, тот застрял, потом поддался. Я услышал второй, более тихий щелчок и наконец убрал руку со своего замка.

Саня включил поворотник.

Дастер медленно прошёл мимо. Теперь я видел, как далеко внутрь ушла колёсная арка. На двери оставалась грязь, нанесённая ещё зимними брызгами; свежий дождь только размыл её по краям. Машина не выглядела брошенной. Скорее её однажды перестали трогать, чтобы не приходилось всякий раз принимать решение заново.

— Он хоть звонил? — спросил я.

— Кто?

— Тот мужик.

Петя помолчал.

— Страховая звонила. Мужик нет. Ты чего, всерьёз считаешь, что он извинится?

— Не знаю.

— Я тоже.

Он сказал это без привычной усмешки. Я не стал предлагать, что нужно сделать, и объяснять, что всё наладится. После чужой аварии такие слова достаются слишком дёшево.

Улица выпрямилась. В одной из луж отразился кусок белого неба, и Саня объехал её, почти не потревожив фотографию у зеркала.

— Ладно, — сказал Петя, подаваясь между сиденьями. — Что мы всё про моё железо. Валера мясо уже взял?

— Вместе поедем.

— Отлично. Тогда ещё можем вмешаться.

Он посмотрел на магнитолу.

— Музыку включите, что ли. Сидим, как будто меня сейчас на оценку везут.

Саня отдал мне телефон.

— Выбирай. Только сначала сам, не слушай задний ряд.

В списке было пять записей. Две я не знал, одну слышал у Вани; у последней название казалось шуткой, но Петя увидел, куда я смотрю, и слишком оживился. Я выбрал гитарную. Вступление узнал не сразу, только когда прозвучал второй аккорд.

— Нормально, — одобрил Петя, устраиваясь обратно. — Можно ехать.

Саня убавил звук на одно деление. Мы уже ехали, но мне понравилось это запоздалое разрешение. Я положил теле-

фон и посмотрел в окно. За низким забором мужчина в резиновых сапогах стоял возле яблони с секатором. Он проводил нас взглядом и снова взялся за ветку, которую держал до нашего появления.

Петя негромко подпевал сзади. Я прислушался, пытаясь уловить в голосе оставшуюся обиду, и не уловил. Он сказал, что думает, мы ответили — и теперь ехали дальше. Мне редко удавалось так быстро оставить разговор позади.

Глава 3. Семь минут

Олег ждал у «Сбербонка», чуть в стороне от ступеней. Сумку поставил у ног, подальше от мокрой стены. При виде машины достал телефон, взглянул на экран и убрал его в карман. Движение получилось таким точным, что я сразу понял: время он посмотрел не для себя.

Старое кирпичное здание занимало почти весь отрезок улицы. Над окнами сохранялись фигурные перемычки, местами побеленные, местами обнажившие тёмный кирпич. Вывеску меняли несколько лет назад, ступени под ней — ещё раньше. Возле нижней ступени до сих пор лежал песок, которым зимой посыпали лёд. Его старательно смели в угол, будто весна могла не заметить.

Саня опустил стекло.

— Семь минут, — сказал Олег. — Я засекал.

— Мог бы восемь.

— Тогда было бы восемь. Я бы так и сказал.

Петя негромко хлопнул в ладоши.

— Правильно. Не давай ему увести разговор.

Олег наклонился к окну, поздоровался с Саней и со мной, посмотрел на заднее сиденье. У него были светлые, неровно лежащие волосы и широкое лицо с прямым, серьёзным взглядом. Он мог казаться сердитым, когда просто внимательно слушал, а улыбался часто не ртом, а едва заметным

движением щёк.

— Там сумка поместится?

— Если ты останешься, то да, — ответил Петя.

— Я могу её на коленях.

— Себя или сумку?

Олег всё-таки улыбнулся.

— Вещи у тебя в пакете не слишком ценные? А то положу сверху и выяснится.

Петя подтянул пакет поближе к ногам. Олег обошёл машину. Тёмные ботинки у него были зашнурованы красным; одна штанина цеплялась за петлю, и он поправил её носком другого ботинка, не выпуская сумку. Когда открыл дверь, я увидел, что она совсем небольшая. По разговорам в чате можно было ожидать чемодан.

— Что хоть взял? — спросил я.

— Сменку. Полотенце. Зарядку. Вторую зарядку.

— Зачем две?

— Одну вы возьмёте.

Он сел сзади справа, уложил сумку на колени, проверил, не перекрыла ли она замок ремня. Петя посмотрел на свободное место между ними.

— А Валера у нас где поедет? Список объёмный, может не влезть.

— На середине, — сказал Саня. — Ванька уже с Васей выехали.

— Начальство в центре. Всё логично.

Мы отъехали. Олег придержал сумку на первом повороте, потом отпустил, убедившись, что она не падает. Сзади некоторое время шуршали куртки и пластик; когда все устроились, он спросил:

— Саня, у Валеры вода всё-таки есть?

— Есть.

— Горячая?

— Баня есть.

Олег посмотрел на меня в зеркало. Я не удержался и засмеялся.

— Я не это спросил, — сказал он.

— Да понял я. В доме умыться можно, в бане бак, питьевую купим. Не замёрзнешь.

— Я не боюсь замёрзнуть. Просто хочу понимать, что брать. Можно было и сейчас повернуть, я бы ещё кое-что забрал.

— Нет, — одновременно сказали Саня и Петя.

Олег пожал плечами, но теперь откинулся на спинку.

Я поймал его взгляд в зеркале. Олег всё-таки получил ответ и теперь спокойно смотрел в окно. Мне часто хватало первого «да нормально там всё»; уточнять после этого казалось назойливым.

Валера стоял у калитки с телефоном и пустой сумкой под мышкой. Кудри после ветра сбились на одну сторону, под расстёгнутым бомбером был виден красный рисунок на чёрной футболке. Он посмотрел на нас, на машину — и снова

в экран, словно мы приехали ровно на ту строчку, которую он собирался прочесть.

— Так. Я составил список.

— Здравствуй, Валера, — сказал Олег.

— Здарова. Слушайте: мясо, хлеб, лук, уголь…

— Мы тоже рады, — добавил Петя.

Валера поднял голову. При дневном свете тонкие усики делали его серьёзность немного неубедительной, но улыбаться в ответ он не торопился.

— Ребят, вы потом сами спросите: почему этого нет, а этого мало. Я вас знаю. Соль надо. У меня почти кончилась.

— Ты в чат отправил, — сказал я.

— Там старый.

— Десять минут назад.

— Я дополнил. От того, что ты десять минут назад его видел, соль в доме не появилась.

Он развернул экран, хотя с моего места я различал только светлые строки. Возразить было нечего: соли в доме и в самом деле почти не оставалось. Но Валера не садился, и мы продолжали совещаться через окно.

Саня похлопал по краю окна.

— Садись, в магазине разберёмся. Пока стоим, ничего не купим.

С рассадкой пришлось повозиться. Олег вышел, чтобы пропустить Валеру на середину. Петя забрал пустую сумку, положил на пакет, потом снова поднял — она мешала рем-

ню. Валера сел на чужой замок, извинился, пересел на свой и какое-то время пытался понять, почему не застёгивается пряжка.

— Поменяй, — сказал Олег.

— Я меняю.

— Ты не ту меняешь.

— Теперь ту?

Щёлкнуло.

Никто не сердился всерьёз. Мы уже сидели достаточно тесно, чтобы сохранять важность было неудобно. Валера прижал телефон к груди и, услышав музыку, попросил прибавить. Петя немедленно напомнил, что назад его вообще-то укачивает, и я снова посмотрел на кнопку ремня.

Он заметил.

— Кир, не надо. Я просто уточнил историческую справедливость.

На перекрёстке впереди остановилась серая Октавия. Её номер забрызгало грязью; из водительского окна показалась Ванина рука. Саня мигнул фарами, и до магазина мы доехали уже друг за другом.

На стоянке Ваня выбрался первым. Потянулся, расправляя плечи, повернулся посмотреть, не слишком ли близко поставил машину к соседней. Вася вышел с другой стороны, сделал два шага и вернулся за кепкой. Когда вернулся к нам, Ваня уже здоровался с Саней через открытую дверь.

— Все?

— Сава с маршрутки, — ответил Валера.

— Значит, почти все.

Ваня пожал мне руку. Ладонь была сухой и тёплой; он коротко сжал пальцы, посмотрел в лицо, словно действительно проверял, как у меня дела, и только потом перевёл взгляд на заднее сиденье.

— Вы там друг друга не усыновили ещё?

— Насильно, — сказал Олег, придерживая сумку, пока Валера выбирался.

Вася поздоровался со всеми разом, заглянул через плечо Валеры в телефон.

— Тут половину можно не брать.

— Какую половину?

— Ну…

Вася наклонился ближе. Валера ждал. Петя тоже ждал, не скрывая удовольствия.

— Ладно, бери, — сказал Вася. — Только не складывай всё мне.

Через минуту он уже нёс Валерину пустую сумку.

Я задержался у Приоры, пока остальные шли к дверям. Саня собирался закрыть машину, но увидел меня и подождал. Теперь, без музыки и голосов, было слышно, как остывает мотор.

— Ты чего? Забыл что-нибудь?

— Нет. Думаю, может, всё-таки пересесть.

Он посмотрел туда, куда ушёл Петя.

— Он сказал, что нормально. Если будет плохо, остановимся. Не надо за него заранее.

Я кивнул, хотя это было не совсем ответом на то, что меня беспокоило.

Саня заметил.

— Если тебе самому что-то надо, говори. Я по лицу не умею. Ты сидишь тихо, я думаю — всё устраивает.

— Устраивает.

— Ну и хорошо.

Он закрыл машину. Я пошёл рядом с ним. У тележек Валера пытался вытянуть одну из другой: цепочка натянулась, колёса повисли под неудобным углом.

— Монетку надо, — сказал Олег.

— Вижу.

— А делаешь вид, что не надо.

Валера посмотрел на него, потом рассмеялся и полез в карман. Пока он искал мелочь, мы стояли вокруг, загораживая проход. Женщина с корзиной попросила нас отойти. Все одновременно посторонились в разные стороны, и прохода стало ещё меньше.

На улице кто-то засигналил. В магазине пахло выпечкой. Из динамиков над входом женский голос обещал скидку на товар, который никто из нас не собирался покупать. День, который мы так долго организовывали в телефонах, наконец начал происходить сам.

Глава 4. Воздух

В «Магнате» оказалось жарко. Я расстегнул куртку, взял корзину и сразу получил в неё две упаковки хлеба. Валера положил их, не останавливаясь: сверился с телефоном и пошёл дальше, к овощам. Корзина повисла на сгибе локтя, и я несколько шагов нёс её прежде, чем решил спросить:

— Это теперь моя работа?

— Пока да. Тележка у Вани.

Петя забрал корзину у меня.

— Не привыкай людей распределять. Это я хлеб спасаю, — сказал он Валере. — У Кира вид такой, что он сейчас спросит, куда его нести.

Я убрал руку с пустого локтя и засмеялся: спросить собирался именно это.

Возле овощей мы разошлись. Олег с Васей отправились за водой, Саня и Ваня — к хозяйственным полкам. Валера начал выбирать мясо, а мы с Петей задержались у холодильника с напитками. От открытой дверцы потянуло холодом. Стекло быстро запотевало снаружи, и за ним полки казались глубже, чем были.

Петя посмотрел на банки и закрыл дверцу, ничего не взяв.

— Ты только не думай, что я из-за места обиделся.

— Я не думаю.

— Ага. Ты каждый раз так не думаешь, что уже ремень

наполовину отстегнул.

Он говорил без раздражения, скорее с любопытством. Я положил руки в карманы.

— Ты же сказал, тебя укачивает.

— Бывает. Не всегда. Если начнётся, скажу. Я взрослый человек, могу сформулировать, что сейчас будет нехорошо.

— Ладно.

— Только не такое «ладно», после которого ещё полдня виноватый ходишь.

Я посмотрел на него. Тяжёлые веки придавали лицу усталое выражение, но глаза были внимательными. Петя ждал, не прячась за следующей шуткой, и мне стало легче ответить прямо.

— Я не понимаю иногда, когда ты всерьёз.

Он подумал.

— А я не понимаю, когда ты согласен, а когда просто не хочешь спорить. Давай так: я скажу всерьёз, ты ответишь всерьёз. А если не поймём, переспросим.

— Давай.

— Всё. На сегодня организационная часть закончена.

Он снова открыл холодильник и взял напиток. Рядом кто-то оставил в дверном кармане ценник, оторванный вместе с пластиковым держателем. Петя поправил его, не глядя, и мы пошли искать остальных.

У мясного отдела Ваня уже стоял рядом с Валерой. Они держали одну упаковку с разных сторон, словно каждый на-

деялся, что другой первым отпустит.

— Здесь мало, — объяснял Валера.

— Здесь нормально. Ты на восемь человек берёшь или на восемь семей?

— Кости вычти.

— Тут нет костей.

Валера перевернул упаковку и проверил. Продавщица за прилавком наблюдала без интереса; по её лицу было видно, что похожие переговоры она слушает каждую пятницу и давно знает, кто в итоге платит.

— Возьмём две такие и одну поменьше, — предложил я.

— Вот, — сказал Валера.

— Вот что? — спросил Ваня. — Он предложил меньше, чем ты хотел.

— Но больше, чем ты.

Они отпустили упаковку одновременно, и я успел подхватить её снизу.

Лук всё равно забыли. Уже у следующего ряда Валера остановил тележку так резко, что Вася едва не налетел на неё. Я вернулся за сеткой. На выбор лежали сухие крепкие луковицы и те, что снизу начинали размягчаться. Пришлось немного повозиться, собирая нормальную сетку; когда я вернулся, Петя спросил, не сам ли я его выращивал.

— Он ещё не решил, хороший ли, — сказал Валера, заглядывая.

— Я с ним не разговаривал.

Петя засмеялся. Я был доволен этой маленькой удачей и потом, проходя между полками, поймал себя на том, что повторяю про себя собственную реплику. Неловко стало уже без всяких свидетелей.

У алкоголя мы опять собрались вместе, кроме Сани: он вспомнил про мусорные пакеты. Олег держал перед собой окончательный список и проверял, что лежит в тележке. Когда Валера пытался заглянуть в его экран, Олег разворачивал телефон так, чтобы было видно обоим, но не отдавал.

— Сок мне, — сказал Валера.

— Помним, — ответил Ваня.

— В прошлый раз тоже помнили.

— В прошлый раз ты его сам в другой пакет положил.

Валера помолчал, разыскивая в памяти этот эпизод.

— Всё равно проверьте.

На нижней полке стояли литровые бутылки с синей этикеткой. «ВОЗДУХ» — крупно, без затей; ниже серебристые полосы, мелкий шрифт, прозрачное окошко, через которое виднелось содержимое. Они не выделялись среди других. Я обратил внимание только потому, что Петя присел и загородил ими ценник.

Он достал одну и прочёл:

— «Пьёшь как дышишь». Смотри, Вань, это для нас. Мы умеем.

Олег взял бутылку у него из рук и осмотрел горлышко.

— Крышка целая.

— А должна быть надкушенная?

— Я всегда смотрю.

Он повернул бутылку. Под плёнкой было видно ровное контрольное кольцо. Ничего не подтекало, этикетка не отходила; Олег провёл пальцем по краю и поставил её в тележку, подальше от банки с огурцами.

Ваня оглянулся, будто искал Саню.

— Мы пока не будем. Мотоциклы же.

— Я вообще не буду, — напомнил Валера.

— Знаем, — сказал Петя. — Сок проверим.

Это был обыкновенный разговор. Валера отказывался и раньше, никому не приходило в голову делать из этого событие. Я стоял у края тележки, меня не спрашивали. Покупок было достаточно, чтобы каждый нашёл себе что-нибудь, и я не видел причины заранее сообщать о своих намерениях.

Когда вернулся Саня, мы уже направлялись к кассе. Он положил свёрнутые чёрные пакеты поверх угля, проверил, не придавлен ли хлеб, и достал карту.

— Я сейчас оплачу. Потом один раз посчитаем, — сказал он Валере. — Один. Без уточняющей таблицы завтра утром.

— Если все переведут, никакой таблицы не будет.

— Ещё чего. А как же вечер у бухгалтера? — спросил Петя.

На кассе пришлось перегружать всё заново. Вода уходила с ленты тяжело, с резиновым скрипом. Пакет с луком зацепился за металлический край; я придержал его и почув-

ствовал под пальцем влажную шелуху. Кассирша пробивала покупки быстро, почти не глядя на нас. Бутылку повернула этикеткой вниз, провела над сканером и поставила рядом с огурцами.

Чек застрял в аппарате. Лента показалась на несколько сантиметров, остановилась; кассирша нажала кнопку, открыла крышку. Мы уже убрали почти всё, пока она поправляла рулон. Валера стоял рядом с вытянутой рукой, но она протянула бумагу мне — я оказался ближе.

— Нужен?

Я взял. Чек был тёплым. Валера тут же забрал его, сложил пополам и ещё раз, положил в боковой карман бомбера. Молнию проверил двумя пальцами.

На улице стало зябко. После магазинных ламп небо казалось особенно низким. Возле машин пахло бензином и мокрым асфальтом. Вася переставлял покупки в открытых багажниках, Валера советовал, куда что класть, пока Ваня не протянул ему тяжёлый пакет и не сказал: «Покажи».

Стаканы потерялись сразу. Олег нашёл их у себя и напомнил, что сам туда положил. Бутылка легла в Октавию между упаковками воды; я видел синий прямоугольник этикетки, прежде чем Ваня прикрыл его пакетом. Ничего в этом не было такого, что стоило запоминать. Просто я ждал, пока он освободит проход, и смотрел на открытый багажник.

Перед выездом заехали на «Люкойл». Пока Саня заправлялся, мы стояли у машины, разминаясь после пяти минут

дороги так обстоятельно, словно ехали с рассвета. Ваня отошёл ответить на звонок. Вася следил, как по мокрой площадке расплывается радужная плёнка. Валера проверял прогноз.

— Дождя не будет, — объявил он.

— Если начнётся, ты ему покажи, — сказал Петя.

Олег застегнул куртку. На этот раз он ничего не спросил про воду.

За городом ехать стало легче. Октавия шла впереди, Саня держал расстояние. Дома редели, между ними открывались огороды и чёрные после дождя поля. У съезда кто-то оставил две старые шины. Одна лежала в луже, другая стояла под углом, зацепившись за край; мимо них вела тропинка к огородам.

Сзади наконец стало тихо. Валера перестал диктовать повороты, Олег устроил сумку, Петя смотрел в окно. Гитарная запись закончилась; я не сразу включил следующую, и негромкое шуршание колёс само сделалось фоном разговора.

— У тебя крёстный баню крыть закончил? — спросил Олег.

— Давно, — ответил Валера. — Там по мелочи осталось.

— А то ты в прошлый раз говорил, что течёт.

— Текло не там, где он делал. На пристройке. Он заодно поправил.

Петя подался вперёд.

— Сейчас будет, почему надо доверять профессионалам.

— Не будет. Просто он нормально делает. Он, кстати, не пьёт.

— И поэтому крыша не течёт?

Валера посмотрел на него. Я видел только часть лица в зеркале, но паузу услышал весь салон.

— Раньше пил, — сказал Валера. — Потом перестал. Много лет уже. Я не про крышу сейчас.

Петя откинулся.

— Ну и хорошо.

— Ну и хорошо.

На этом они остановились. Олег поправил ручку сумки, Саня смотрел на дорогу. Петя уже открыл рот для следующей реплики, но передумал и откинулся на спинку.

Сава прислал время маршрутки. Я прочитал сообщение вслух. Валера переспросил остановку, объяснил, что к деревне она не заходит: высадит у поворота, от дачи примерно километр. Идти недалеко, только нужно выйти заранее, чтобы не заставлять человека ждать возле трассы.

— Я схожу, — сказал Олег.

— Я с тобой.

Я предложил это раньше, чем начал разбирать, хочется ли мне идти. Но сожаления не почувствовал. После машины будет приятно пройтись. Сава наверняка привезёт сумку и что-нибудь, что неудобно нести, а Олег перестанет проверять, кто опоздал, хотя бы на время дороги.

Октавия впереди свернула. Саня включил поворотник и

поехал следом. Колёса мягко ударили по краю асфальта; фотография под зеркалом качнулась, показала белую обратную сторону и повернулась к нам.

К Хвощевикову вела грунтовка вдоль леса. Город ещё оставался совсем близко, но из окна его уже не было видно.

Глава 5. Последний дом

После асфальта машина сразу стала другой на слух. Песок шуршал по днищу, мелкие неровности отдавались в сиденье, и Саня убрал ногу с газа. Октавия впереди покачивалась на колее; иногда её заслоняли ветви, слишком близко подошедшие к дороге, потом она появлялась снова, вся серая, кроме двух красных точек сзади.

Валера оживился. Он начал показывать, где лучше объехать, хотя Саня и без подсказки выбирал сухое. Теперь это уже не раздражало: мы въехали туда, где Валера действительно знал больше остальных. За одним из поворотов открылось поле, за ним низкие крыши, стоящие неровно, каждая со своим двором. Деревня не начиналась вывеской — просто лес отступил, и вместо него по обе стороны пошли чужие участки.

У первого дома мужчина чинил раму парника. Услышав машины, выпрямился, приложил ладонь к пояснице и проводил нас взглядом. Валера поднял руку. Мужчина кивнул, но отложенный молоток не взял, пока мы не проехали.

— Сосед? — спросил я.

— Тут все соседи, — ответил Валера. — Этот ближе к началу. Нам дальше.

По дороге бежала собака, не обращая на машины внимания. Ваня остановился. Собака обнюхала что-то у колеи, со-

шла в траву, и мы поехали. Петя поднял голову от телефона:

— Уже приехали?

— Почти.

— Ты пять минут назад говорил «почти».

— Сейчас другое почти.

Последний отрезок дороги поднимался. Слева между стволами мелькнула вода, и воздух, проникавший через щель окна, сразу показался холоднее. Я наклонился, пытаясь разглядеть реку, но Саня как раз объехал яму, и всё закрыл двор с высоким пустым каркасом теплицы.

Валерин дом стоял ближе к концу деревни, на небольшом возвышении. Никакого особенного вида у него не было: потемневшие стены, светлее заменённая доска, невысокое крыльцо. Сбоку забор уходил к гаражу. Дальше виднелась баня, а за участком начинались деревья. Вода оставалась внизу, невидимая отсюда, но уже слышная, когда Саня выключил мотор.

Когда мотор умолк, в салоне ещё что-то шуршало. Мы посмотрели на Олега. Он вытаскивал из-под ремня ручку сумки.

— Теперь все? — спросил он.

Мы засмеялись. От неподвижной машины ещё отдавалось в ногах; когда я вышел, пришлось постоять, прежде чем поднимать рюкзак.

Валера уже возился у калитки. Ключи лежали у него не в том кармане, где чек; это потребовало отдельной провер-

ки, во время которой Вася держал сумку, а Петя — калитку, чтобы она не давила Валере на плечо. Когда замок открылся, вся компания внесла вещи одновременно и сразу упёрлась в крыльцо.

— Погодите, — сказал Валера из-за дверей. — Я сейчас.

Мы подождали. В доме стукнула щеколда, потом что-то упало. Валера выругался, дверь наконец распахнулась, выпуская запах холодного дерева и комнаты, которая долго простояла закрытой.

Я снял ботинки на пороге, как делал бы в гостях. Петя, уже прошедший вперёд, обернулся:

— Уважительный какой. Валер, запоминай, кто тут культуру принёс.

— Пока не наносили, лучше снять, — сказал Валера. — Потом всё равно натопчем, но хоть не сразу.

Внутри было прохладнее, чем на улице. Занавески не пропускали яркого света, половица возле входа прогнулась под ногой и тихо щёлкнула. У стены стояли стулья, сложенные сиденьями друг на друга. На столе лежала клеёнка, прижатая пустой трёхлитровой банкой. Ваня открыл одну из внутренних дверей, посмотрел, закрыл обратно и понёс пакет на кухню, не спрашивая, куда.

— Вы тут устраивайтесь, — говорил Валера. — Сумки пока сюда, продукты отдельно. Мясо в холод. Только сырое рядом с хлебом не ставьте. Вася, ты неси, но подожди…

Вася остановился с двумя пакетами в руках.

— Ты сначала скажи всё. Потом я пойду.

Валера замолчал, перевёл взгляд с пакетов на стол и неожиданно согласился:

— Ладно. Сюда ставь.

Я прошёл вдоль стены, чтобы никому не мешать. На подоконнике стояли сухие цветы в жестяной банке, рядом лежала отвёртка. Оконная рама была притянута маленьким крючком: если не зацепить его, створка отходила на несколько миллиметров. Я тронул подоконник; к пальцу прилипла пыль. Дом не был заброшенным, просто в будни здесь никто не ходил по утрам с чашкой и не замечал, что надо протереть.

Свою куртку я повесил в комнате у входа. Дальше обнаружились кровати и разобранный диван. Олег поставил сумку у стены, проверил розетку, потом вынул зарядку.

— Ещё даже не разрядился, — сказал Петя.

— Зато потом не искать.

Он не включил телефон. Оставил провод лежать на краю стола, чтобы сразу нашёлся. Я положил рюкзак рядом с его сумкой и почувствовал облегчение: вещам нашлось место, значит, мы уже не проездом.

Саня открыл окно. Снаружи послышалось, как Ваня переставляет машину. Из комнаты река слышалась лучше — не плеском, а сплошным слабым шелестом, который сначала легко принять за ветер в ветках.

— Далеко вода? — спросил я.

— Сейчас покажу, — сказал Валера из коридора. — Толь-

ко продукты разложим.

На кухне Олег нашёл стаканы. Вася снял с верхней полки чайник, заглянул внутрь и понёс мыть. Петя ходил вокруг мясных упаковок, пока Валера не дал ему доску и не попросил хотя бы вынести её во двор. Петя послушно взял, но по дороге успел спросить, оплачивается ли доставка.

Мы вынесли стулья на крыльцо. С них сыпалась сухая пыль. Я протёр один мокрой тряпкой, второй сразу вытер рукавом — тряпка только размазывала грязь. Ваня вернулся со стороны гаража и принял у меня стул, не дожидаясь, пока я решу, куда поставить.

— Вон туда, к столу. Не у прохода, а то спотыкаться будем.

Он показал, развернулся с вещью в руках и прошёл между мной и дверью так легко, будто давно измерил все расстояния. Я вспомнил, что куртка на его плече порвалась ещё прошлым летом. Сейчас из шва торчала крошечная нитка. Хотел сказать — и забыл, потому что Валера позвал посмотреть участок.

Он показывал без торжественности, больше предупреждая о мелких неудобствах. У гаража не класть вещи вплотную к створке: она задевает землю. За баней мокро. Наружную дверь предбанника не бросать, а прижимать — дерево разбухло, язычок не всегда попадает. Ключ висит в доме, если понадобится закрыть.

— Зачем закрывать? — спросил Петя.

— Чтобы зимой не открывало ветром.

— А сейчас зима?

Валера посмотрел на него.

— Сейчас я объясняю. Можешь не запоминать.

Петя показал, что застёгивает рот, и полез осматривать носилки для дров.

Из предбанника пахло берёзовыми листьями и остывшей золой. Маленькое окно находилось высоко, под ним стояла скамья с перевёрнутым тазом. Дверь дальше, в парную, была приоткрыта. Валера поправил задвижку у входа, проверил, что она двигается, и пошёл к гаражу.

Я увидел внутри два мотоцикла. Один был накрыт старым покрывалом, из-под которого торчало зеркало. Ваня откинул край и провёл ладонью по сиденью.

— После разберёмся, — сказал он Сане. — Сейчас не торопимся.

— Шлемы где?

— В доме, на шкафу.

Валера прошёл глубже, отодвинул пустую канистру с прохода. На стене висели инструменты; часть на своих местах, часть просто на гвоздях подходящей длины. Петя спросил про охотничье ружьё, которое они когда-то обсуждали. Валера указал на запертый оружейный шкаф у дальней стены и напомнил не наваливать перед ним хлам.

Разговор быстро ушёл к мотоциклам. Я не задержался: из-за гаража открывался спуск, и мне хотелось увидеть реку.

К воде вела тропинка. Участок оставался выше и немно-

го в стороне, между ним и берегом проходила узкая дорога. Сверху настил казался совсем небольшим: несколько досок, закреплённых над водой, железное кольцо на краю. Склон возле него осыпался там, где люди сокращали путь. Ниже песок был тёмным, над самой водой — светлее, вымытый.

Олег подошёл последним. Постоял возле меня, посмотрел вниз и сунул руки в карманы.

— Мы рыбачить оттуда будем?

— Если пойдёте, — ответил Валера. — Можно и с берега. Там Вася знает.

Вася подтвердил кивком, хотя мы ещё не успели его ни о чём спросить.

Ветер был слабый, но на открытом месте чувствовался сразу. По воде шли мелкие неровные полосы. За рекой тянулся лес, и в нём пока не было ничего, что хотелось бы разглядывать: просто стволы, ветви, глубина между ними. Петя толкнул носком камешек. Тот прокатился по траве, остановился раньше склона.

— Если разойдётесь, здесь и собираемся, — сказал Валера. — У воды открыто, друг друга видно. А не по лесу орать.

— Ты на сколько людей дачу арендовал? — спросил Петя. — Может, ещё номерки выдашь?

— На восемь. Своих.

— Тогда ладно.

Валера повернулся и пошёл обратно. Остальные потянулись за ним. Я ещё на минуту остался с Олегом. Мы смотре-

ли, как у настила что-то светлое медленно разворачивается на течении. Оказалось, кусок коры.

— Холодная, наверное, — сказал он.

— Вода?

Он кивнул и, не дожидаясь ответа, пошёл к дому.

Когда мы вернулись во двор, Вася уже таскал дрова. Ваня держал один конец носилок, Петя спорил, сколько можно положить, чтобы не ходить два раза. Саня нашёл рабочие перчатки и раздавал их, не спрашивая, кому нужны. В открытом окне кухни стоял Валера с ножом и пакетом лука, окликал то одного, то другого.

Я взял ближайшее полено. Под корой было сухо, на ладони осталась светлая древесная пыль. Никто не сказал мне, что делать, но дело всё равно нашлось.

Глава 6. Поворот

За Савой мы вышли раньше, чем было нужно. Олег настоял: маршрутка могла прийти без задержки, а дорога незнакомая — лучше пройти спокойно. Валера сначала хотел объяснить путь ещё раз, но Олег попросил показать только поворот. Всё остальное он уже запомнил.

— Сломанная ветка над канавой, потом знак, — повторил Валера. — Трассу услышите. Только по колее держитесь, не срезайте.

— Мы за человеком, не за грибами, — сказал Олег.

— Я и говорю.

На крыльце зазвонил телефон. Валера посмотрел на экран и махнул нам, уже отвечая. Мы вышли за калитку, притворили её и впервые с утра оказались вдвоём, без голосов из салона и чужих реплик через плечо.

Сначала было слышно, как во дворе спорят о дровах. Потом дом скрылся за деревьями, и спор пропал. Дорога шла по краю деревни, мимо пустого участка с заваленным забором. В траве стоял перевёрнутый таз, из-под него торчал прошлогодний бурьян. Олег посмотрел на небо и расстегнул куртку.

— А ты бы остался? — спросил он.

— Где?

— Дома. Если бы не написали.

Я удивился вопросу и не сразу нашёл ответ.

— Наверное.

— Я тоже. Хотя собирался с вечера.

Он шёл небыстро, выбирая сухое, но шагал прямо через мелкие лужи, если обходить было неудобно. Я обходил, потом догонял, потом снова отставал. Через несколько минут перестал обходить.

— Ты же сумку приготовил раньше всех, — сказал я.

— Приготовить легко. Пока готовишь, ты ещё никуда не едешь. Можно всё обратно убрать.

Он произнёс это буднично, глядя под ноги. Я вспомнил свой готовый с вечера рюкзак: утром он оказался самым убедительным доводом в пользу поездки.

— А почему поехал?

Олег пожал плечами.

— Хотел увидеться. Ты?

— То же самое.

Его устроил ответ. Мы прошли несколько десятков шагов молча. После машины идти было приятно: тепло возвращалось в пальцы, рюкзака на плечах не было, впереди оставался весь день. Я начал различать звуки, которые до этого сливались в один. Где-то работала пила. Слева, за кустами, перекликались птицы; под подошвой иногда ломалась сухая веточка, и от этого Олег коротко поворачивал голову, продолжая идти.

На развилке мы остановились. Обе колеи выглядели одинаково проезженными. Олег посмотрел назад, потом на пра-

вый путь и показал:

— Сюда. Мы на машине оттуда заходили, а дом выше остался.

Чуть дальше над канавой действительно висела сломанная ветка. Светлая щепа у разлома ещё не успела потемнеть. Я запомнил её форму — длинную, раздвоенную, с пучком веточек на конце. Олег обошёл место, где вода размыла край, и придержал куртку, чтобы не зацепить.

Шум трассы возник постепенно. Сначала мне показалось, что усилился ветер. Затем среди ровного гула проступили отдельные машины: приближение, короткое шипение шин по асфальту, спад. Деревья разошлись, показался знак. Под ним была утоптана площадка, где можно стоять в стороне от дороги.

Олег достал телефон.

— Здесь работает.

Я посмотрел на свой экран. Сообщение Валеры, отправленное ещё возле дачи, дошло только сейчас: «Пакеты с лавки уберите, кто дома». Следом пришло время от Савы. Олег написал, что мы у поворота. Под сообщением сразу появилась отметка отправки.

— Дома не уходило? — спросил я.

— Одно висело. Тут сразу.

Он убрал телефон. На экране моего тоже сменился значок сети. Я ответил Сане, хотя тот ни о чём не спрашивал: «Дошли, ждём».

Возле трассы холоднее не стало, но стоять было менее уютно. От машин приносило запах мокрой резины. Каждая приближалась быстро, и после нескольких проездов я перестал поворачивать голову на все подряд. Олег стоял так, чтобы быть видным водителю, и иногда поглядывал в сторону, откуда должна прийти маршрутка.

— Семь минут будешь считать? — спросил я.

— Только если опоздает.

— Ты правда засекал у банка?

— Ну да. Мне же делать нечего было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.